

М. А. Киселев
ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ГОБОВ: К ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА 1720-х гг.

Смена лиц, облеченных властью, могла и до настоящего времени может восприниматься подвластными как появляющаяся возможность улучшить свое положение и добиться решения проблем. Это связано с тем, что новый руководитель, если он прибывал извне, мог рассматриваться в качестве нейтральной персоны, не вовлеченной в местные конфликты, а также не обладавшей всей полнотой информации. Одним из инструментов, которые использовались для реализации такой возможности, были прошения, в которых подвластные излагали свои нужды и свое видение ситуации. И если для действующих исторических лиц прошение было шансом улучшить жизнь, то для историка – это шанс заглянуть за фасад официальных документов, познакомиться с иным, неофициальным взглядом, а также выявить дополнительные сведения о повседневной жизни людей. Выявление и анализ таких источников особенно важны для исторических периодов, от которых плохо дошли частные документы. В настоящей работе, претендуя скорее на постановку проблемы, нежели на ее решение, мы обратимся только к одному из таких прошений, которое дает материал для истории повседневной жизни жителей горнозаводского Урала 1720-х гг.

Прибытие в феврале 1722 г. на Уктусский завод берг-советника И. М. Михаэлиса, ставшего первоприсутствующим в Сибирском (вышнем) горном начальстве, в отношении проявления надежд подвластных не оказалось исключением. К концу февраля 1722 г. у него на рассмотрении скопилось несколько десятков прошений и жалоб местных жителей, ожидавших милости и справедливости от нового начальника. Среди прошений была и жалоба уктусского подьячего А. И. Гобова. В ней он сообщал, что 25 декабря 1720 г. у него был «взят ... здесь на Уктусе под горою двор со всем дворовым строением, ... а во дворе столы и скамьи, заслоны и затворы к печам железные, да дватцетеры двери у окошек, затворы на железных крюках и древеная посуда, а с вышеписанного 1720 году по нынешней 1722 год ... поставлен и живет господин берг-мейстер Иван Иванович Блиэр». К своей жалобе Гобов приложил описание строительства своего двора. Прежде всего, за 7 руб. им была «куплена изба у молотового мастера

Федора Лугового». Затем Гобов за 1 руб. нанял Никифора Плотникова «с товарищи», чтобы они сделали в избе «издымник». Далее подьячий нанял плотника Михаила Соснина «с товарищи» «сени рубить брусчатые из готового лесу», у дома был сделан «подвал», что в общем обошлось Гобову в 8 руб., не считая «хлеба» для работников. К дому была прирублена «горница» за «два рубли на нашем хлебе», после чего Гобов «подрядил горницу внутри делать усолцов Федора да Василья», за «восемь рублей из готового лесу и на готовом нашем хлебе». В избе была сложена кирпичная печь (обошлась в 2 руб.), были сделаны новые «оконцы», «столы и скамьи». Для дома были приобретены «крюков железных дверных и скоб дверных и затворов и заслонов на пять рублей». Также у двора был огород и мыльня. Со всеми трудами и материалами Гобов оценил взятый у него двор в 57 руб. 50 коп.¹ Таким образом, в описании представал хорошо обустроенный и богатый двор. Очевидно, что это оказалось одной из причин, почему именно этот двор был отведен берг-мейстеру И. Ф. Блиеру, одному из новых руководителей Уктусского завода с 1720 г.

Следует дать, насколько позволяют источники, краткую биографическую справку об А. И. Гобове. По свидетельству самого Гобова, «родом он, Андрей, города Кунгура подьяческой сын»². Его отцом был житель Кунгура Иван Прокопьев сын Гобов, который в 1682 г. из Кунгура «бежал ... в Сибирь»³. Как оказалось, «бежал» он не так далеко – в Арамилскую слободу. В это время его сыну, Андрею, было около 1–3 лет. В 1715 г. Андрей Гобов перебрался жить на Уктусский завод, где избрал карьеру подьячего. В документах 1717 г. Андрей значился «писчиком Арамилской слободы»⁴, которая в это время находилась в «ведомстве Уктуских заводов», а в 1719 г. – подьячим на самом заводе с годовым окладом 7 руб.⁵ Если исходить из этих данных, то описанный двор на Уктусе должен был ему обойтись в 8 годовых окладов. Можно с полным основанием предположить, что едва ли он мог себе позволить такой двор без дополнительных доходов.

Определенный доход могло давать его домашнее хозяйство. В переписи 25 февраля 1721 г. Уктусского завода значился двор, в котором жил Гобов со своей женой Пелагеей, приходившейся ему ровесницей (40 лет). Своих детей у Гобова во дворе не значилось. Возможно, они были бездетными. В то же время у него жили покормленок 20 лет Сава Андреев с женою и дочерью, а также приемыш Никита Иванов сын Сидоровых 25 лет с женою и дочерью. В хозяйстве у них было 3 лошади, «рогатого 6 скотин» и 4 овцы. В отличие от других уктусских подьячих (П. Е. Вторых, К. Ф. Хамина, Д. И. Родякова) у него была пашня «в Арамилском чертежу»⁶.

Немалую часть доходов, стоит полагать, давала ему предпринимательская деятельность. Так, в 1717 г. он сдал на Уктусский завод крупную партию кричного железа в 483 пуда⁷. В 1721 г. Гобов вместе с Василием Томиловым (с конца 1721 г. – мостовым комиссаром Уктусского дистрикта) взял на откуп в Белоярской слободе продажу вина, пива и табака, а также таможенные сборы и конскую площадку на сумму 72 руб.⁸, а в 1722 г. Гобов вместе с Борисом Тайшиным взял на откуп схожие продажи и сборы в Новопышминской слободе⁹. Заметим, что такая предпринимательская деятельность подьячего не была чем-то локальным и исключительным для России этого времени. Например, как показала А. В. Жуковская, севские (юго-запад России) подьячие начала XVIII в. также занимались торгово-предпринимательской деятельностью¹⁰.

Следует отметить, что причастность Гобова к власти давала ему дополнительные источники доходов, как при занятии предпринимательской деятельностью, так и на государственной службе. Бобыль Белоярской слободы Никон Максимов сын Горбунов 12 марта 1723 г. подал жалобу в Сибирский обер-берг-амт, в которой заявлял, что в 1721 г. «подьячей Андрей Гобов взял с меня ... нападкою своею неведомо за что шубу баранью, кафтан сермяжного сукна вполнос, шапку сермяжного сукна новую, опояску красную сермяжную тканую, ножик с медными припоями, пряжи суконой сермяжной пятнатцат пасом, сарафан крашениной новой, рубашку нижнегородцкую пеструю, портки кумашные, три рубашки полотняных, трои портка полотняных, два вершника белых, две рубашки полотняные женские, три кокошника кумашных, три платка полотняных з бумажными кружевами, две пояски лауданные красные, пояс шерстяной красной с мошней, в мошне гривна денег была, чарки новые, скуты сермяжного сукна в полтора аршина новые, двои рукавицы сермяжного сукна новые, обшиты дубленой кожей»¹¹. В ходе следствия выяснилось, что Н. М. Горбунов пострадал отнюдь не беспричинно. Как нами отмечалось, в 1721 г. Гобов вместе с Томиловым взял на откуп в Белоярской слободе ряд товаров, включая и табак. В этом же году Горбунов занимался незаконной продажей табака в обход откупщиков. В соответствии с одним из толкований 8 ст. XXV гл. Уложения 1649 г. такой табак подлежал изъятию в пользу откупщика. Отталкиваясь от списка изъятого вместе с табаком имущества Горбунова, можно предположить, что он вел торговлю не только табаком, но и другими товарами, которые и пострадали при изъятии табака. Очевидно, что имущество нарушителя могло рассматриваться в качестве источника наживы, своеобразной компенсации. Например, в 1722 г. схожим образом пострадали пожитки Арамилской слободы отставного драгуна Федора Долинина, у которого при выемке незаконно ку-

пленного табака были взяты «зипун, да седло с потником, рукавицы да плеть до выкупу». Сам Долинин своему «скарбу» дал более подробное описание: «зипун сермяжной новой, рукавицы ровдужьи оленьи, седло доброе с войлоком»¹². При этом Гобов в своей деятельности мог сам нарушать правовые нормы. Например, в 1718 г., как сообщал арамилский кузнец Карп Ефремов, «дьякон Петр Колосов да подьячий Андрей Гобов сидели утайкою в отъезде вино, которое вынято ... и с винокуренною их посудуою». Несмотря на поимку с поличным, Гобов смог избежать штрафа за такой проступок¹³.

Источником незаконных доходов для А.И. Гобова могли служить и его непосредственные служебные обязанности. В 1719 г. Гобов был «по приказу камисара Бурцова ... отставлен» от работы на Уктусском заводе¹⁴. Можно предположить, что такое отдаление от власти стало фактором, который позволил отдать богатый гобовский двор И. Ф. Блиеру. Впрочем, в 1720–1721 гг. Гобов эпизодически мог привлекаться горной администрацией для выполнения тех или иных поручений. Уже в 1722 г. Гобов продолжил свою государственную карьеру, став подьячим «земского суда», возглавляемым судебным комиссаром Венедиктом Томиловым на Уктусском заводе¹⁵. Однако его судебная карьера завершилась довольно быстро, в 1723 г. Попад под следствие вместе со своим начальником, Гобов сознался в злоупотреблениях властью, что «с одного де за работу взял он две гривны денег, да з другова взял лошад да рубль денег, за то, что он держал у себя беглова салдата»¹⁶. Похоже, что такие проступки не были сочтены тяжкими, и в 1726 г. Андрей Гобов числился у «судебных дел» в Екатеринбурге, а точнее – «надсмотрщиком» у «крепостных дел»¹⁷. Дальнейшая судьба Гобова нам пока неизвестна.

Таким образом, гобовское описание дома не только дает факты о материальной стороне жизни жителей горнозаводского Урала 1720-х гг., но и позволяет выйти и на социальную характеристику человека власти, хотя и подчиненного, занимавшего небольшую должность. Как показал Д. А. Редин, структура потребления уральского чиновничества в первую четверть XVIII в. была одним из признаков их социального статуса¹⁸. Стоит предположить, что это касалось и вещного мира чиновничества. Гобов, принадлежа к власти, мог себе позволить дополнительные доходы, которые им направлялись и на соответствующие улучшения собственного быта. Человек власти, да и не только, оказывался неотделим от окружавших его вещей, которые не только давали ему необходимый комфорт, но и были свидетельством статуса. В этом отношении организация себя, своего внешнего вида, а также пространства вокруг себя оказывались внешними проявлениями человеческой личности и ее понимания социального универсума.

Примечания:

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. 592–593 об.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 617. Л. 12 об.

³ Кунгурские акты XVII века (1668–1699 г.). СПб., 1888. С. 57.

⁴ Томилов А. Г. Железные промыслы на Урале в XVII – начале XVIII вв.: (К 300-летию уральской металлургии) // Архивы Урала. 1997. № 1.

⁵ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 1369.

⁶ Там же. Д. 617. Л. 12–12 об.

⁷ Томилов А. Г. Указ. соч.

⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 164. Л. 210.

⁹ Там же. Л. 158 об.

¹⁰ См.: Жуковская А. В. «Животы и промыслы» подъячих на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам г. Севска) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3 (32).

¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 58.

¹² Там же. Д. 164. Л. 254–256..

¹³ Там же. Д. 4а. Л. 594–594 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 1369.

¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 164. Л. 210 об.

¹⁶ Там же. Д. 17. Л. 18 об.

¹⁷ Там же. Оп. 12. Д. 9 Л. 9 об.

¹⁸ См.: Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 502–517.